

УДК 81'42+81'37

ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ Г. БЕЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛОУНА» И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

И.И. Фролова

Аннотация

В статье рассматриваются явления семантического преобразования слов с переносом внешней характеристики животного на характеристику человека (в основном это характеристика внутреннего мира героев) на материале примеров художественного произведения. В подобного рода метафорах в качестве мотивирующих основ выступают названия животных, так называемые зоонимы. В процессе исследования выявляются оригинальные и переводные зооморфные метафоры (рассматриваются варианты перевода двух переводчиков), построенные на сходных и различных ассоциациях в немецком и русском языках и отражающие культурно-национальные особенности двух культур и языковой реальности с учетом привлечения когнитивных сведений, которые также по-разному передаются переводчиками.

Лингвистическая наука последних десятилетий склонна рассматривать язык как антропоцентрический феномен. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «почти в каждом слове можно обнаружить следы человека» [1, с. 3]. Качества и свойства человека, его поступки, психологические и физические состояния, социальная подоплека находят свое отражение в языке.

«Сегодня трудно представить тот период развития языкознания, когда изучение языка происходило без учета человеческого фактора» [2, с. 69].

В речевом общении представителей разных языковых коллективов отражаются как универсальные черты, так и этноспецифические закономерности, характеризующие культурно-национальные особенности каждого народа и его языка.

Национальная окраска литературного произведения выражается, как правило, в системе образов произведения (герой является представителем какого-либо народа с его системой ценностей, традициями, социальными условиями жизни, что находит свое проявление в характере, поступках, речи героя), а также непосредственно в языке произведения (наличие и объем идиоматических выражений).

«...национальное своеобразие литературы... представляет собой сложную систему взаимосвязанных и переплетенных особенностей, затрагивающую всю ткань произведений, выражающуюся в языковых образах» [3, с. 399].

В зоолексике ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности, когда образы животных в разных языках наделяются, на первый взгляд, совершенно немотивированными свойствами. Включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристики человека, поиски сходства с образами реальных мира природы –

важный этап развития человеческого знания. Зоохарактеристики человека, возникая на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко и непосредственно отражают национальную самобытность языков через систему оценочных образов, характерных для данного этноса.

Представители ассоциативно-когнитивного подхода утверждают, что языковая система существует в сознании носителей языка в виде ассоциативно-вербальной сетки, или ментального лексикона.

При создании метафоры и ее декодировании человек должен владеть тем, что М. Блэк называет «системой общепринятых ассоциаций», а Л.В. Щерба – «наивными понятиями». По мнению А. Вежбицкой, в сознании каждого человека в качестве необходимой части имеется семантическая система, т. е. набор элементарных понятий, или логических атомов [4].

Способность человека к ассоциациям признается врожденной. Метафорическое осмысление «настолько входит в привычку, что порой бывает трудно себе представить, что оно может не соответствовать действительности» [5, с. 46]. Многие зооморфные стереотипы национально-специфичны и представляет собой значительную трудность при переводе. Большинство лингвистов считают, что необходимо избегать дословного перевода таких единиц (а дословный перевод практически всегда возможен в случае с зоонимами). Лишь глубокое знание культурных стереотипов в языке, на который осуществляется перевод, поможет переводчику найти эквивалент, с большей или меньшей точностью передающий прагматические коннотации, заложенный в исходном языке.

В данной работе рассматриваются семантические дериваты, использующиеся Г. Беллем в романе «Глазами клоуна» [6] и переводчиками романа на русский язык Л. Черной [7] и Р. Райт-Ковалевой [8], а именно случаи переноса признака внешней характеристики животного на характеристику внутреннего мира человека, т. е. речь идет о так называемых зооморфных метафорах.

Метафорообразование представляет собой сложное, упорядоченное, когнитивное явление. Картина метафоризации может быть описана двухчастной семантической моделью: 1) признаки, мотивирующие перенос наименования; 2) типы метафорического переноса. Подобные модели выражают ассоциативные предпочтения носителей языка, закрепленные в языке.

По мнению Р.А. Будагова, в отличие от языка, где метафора обычно «незаметна», т. е. употребляется для обозначения бытовых, обыденных вещей и предметов, в художественной прозе она «употребляется сознательно, преднамеренно, получает особое задание...» [9, с. 26]. Н.Д. Арутюнова считает, что «...употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное... Она [метафора] соответствует художественному тексту своей сутью и статью» [10, с. 380].

Семантика слова, помимо того что она представляет собой сложный комплекс различных компонентов значения, очень гибка и подвижна, в результате взаимодействия друг с другом значения разных слов могут преобразовываться под влиянием различных факторов, как экстралингвистического – так и внутрilingвистического характера. Подвижность семантики наиболее ярко прослеживается в художественной литературе. Здесь наличие многочисленных лингвистических приемов способствует изменению в семантике слов.

Многие ученые указывают на системный характер изменений семантического значения слова. «Те изменения, которые происходят в семантической структуре слова, часто носят закономерный характер, поэтому определить основные направления этих закономерностей представляется возможным при учете тех общеязыковых семантических законов, которые достаточно подробно описаны в имеющейся лингвистической литературе» [11, с. 30].

Зооморфные метафоры, встречающиеся в исследуемом романе, были разделены на следующие группы.

1. В основе оригинального и переводных выражений лежат сходные ассоциации, используется один и тот же зооним.

«Salonlöwe» [салонный лев] – «салонный лев» (перевод Л. Черной); «салонный лев»¹ (перевод Р. Райт-Ковалевой). Причем для носителей русского языка более типичным является выражение «светский лев», т. е., согласно данным толкового словаря, «человек высшего света, пользующийся в нем большим успехом» [12, с. 314]. Оба переводчика сохраняют вариант «салонный лев», который по смысловой нагрузке является идентичным выражению «светский лев».

В выражении «du Nazischwein» [ты, нацистская свинья] – «нацистская свинья»; «нацистская свинья» экспрессивным и неожиданным является сочетание зоонима с лексемой «нацистский». Данный образ получает дальнейшее развитие вместе с возрастанием негативной коннотации, обусловленным в значительной степени использованием эмоционально-окрашенных прилагательных в обоих языках: «du ekelhaftes Biest, du brutales Schwein» [ты, омерзительная скотина, ты, жестокая (зверская) свинья] – «Мерзкая скотина! Грубая свинья!»; «Ах ты скотина! Грязная свинья!».

Образ свиньи применяется также и в выражении «dieses Ferkel» [этот поросенок] – «эта свинья»; «эта свинья» (в оригинальном тексте используется образ «детеныша» свиньи – лексема «Ferkel» – «поросенок»), которая не обладает такой ярко выраженной негативной окрашенностью. Вообще, судя по данным словаря, в переносном смысле это слово означает «неряха, замарашка» [12, с. 555], но данный смысл отсутствует в контексте. Здесь реализуются те же семы, что и при использовании лексемы «свинья», т. е. «низкий, подлый человек». Выбор переводчиками такой замены при переводе можно объяснить также и тем фактом, что данная лексема используется в тексте для характеристики женского образа. В немецком языке оба слова относятся к среднему роду, таким образом, выбор одной из этих лексем в плане гендерных различий не является важным. В русском же языке, в отличие от слова «поросенок», относящегося к мужскому роду, лексема «свинья» женского рода и уже по одному этому признаку лучше подходит для описания женского образа.

2. В основе оригинального и переводных выражений лежат разные ассоциации, в аутентичном тексте и одном из вариантов перевода используются образы разных животных.

В словосочетании «er war ein hohes Tier geworden» [он стал высоким зверем] – «теперь он важная птица»; «он сделался важной шишкой» в оригиналь-

¹ В квадратных скобках дается дословный перевод немецкого выражения. Затем соответственно варианты перевода Л. Черной и Р. Райт-Ковалевой. Далее – так же.

ном и переводных текстах фиксируется использование устойчивых идиоматических выражений, сходных по смыслу, но с разными опорными словами – своеобразным семантическим центром данных словосочетаний: в немецком языке это «Tier» – зверь, в варианте первого переводчика – «птица», а вот в варианте второго переводчика зооним отсутствует вовсе. Что касается выражения «*mieser christlicher Vogel*» [отвратительная христианская птица] – «мелкая протестантская букашка»; «скупердяй божий», дающего отрицательную характеристику герою, то здесь выбор разных лексем в оригинальном тексте и первом варианте перевода можно объяснить тем, что для носителей русского языка слово «Vogel» – «птица», используемое в немецком тексте, имеет, скорее, положительную коннотацию при употреблении в переносном значении относительно человека: «вольная птица», «важная птица», «птица высокого полета» – или иронический оттенок: «Это что за птица?», что нехарактерно для немецкого языка, а вот лексема «букашка» в переносном употреблении (дается в словаре с пометкой «пренеб.» [12, с. 59]) в своей семантике обнаруживает тон явной пренебрежительности.

В варианте перевода Л. Черной выражения «*es hörte sich an, als wäre eine ganze Schlangenfamilie miteinander in Streit geraten: zwei männliche Schlangen und eine weibliche*» [было слышно, как будто целое семейство змей ссорилось: две змеи мужского пола и одна – женского] – «казалось, целое семейство рептилий затеяло ссору: две змеи мужского пола и одна – женского»; «казалось, будто целое семейство змей перессорилось – два змея мужского пола и одна женщина-змея» применяется лексема «рептилии», которая является термином, в словаре дается с пометкой «спец.» [12, с. 666]. Обычно специальные понятия, термины редко подвергаются метафоризации. По мнению Н.Д. Арутюновой, «метафора дисгармонизирует со многими параметрами как практического, так и научного дискурса». Однако ученый указывает также на универсальность метафоры и возможность основания сравнения явлений и предметов, относящихся к совершенно разным категориям. «...более важен другой ее источник: метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и теоретическом мышлении».

3. В тексте оригинала используется зооним, в переводных вариантах (или в одном из вариантов перевода) зооним отсутствует.

Зоониму в оригинальном выражении *Aussenseiter, radikaler Vogel* [аутсайдер, радикальная птица] – «отщепенец, смутьян»; «отщепенец, бунтарь» переводчики находят разные лексические соответствия, но одинаково являющиеся не-зоонимами.

В выражении «*dieser Hund*» [эта собака] – «подлец Костерт»; «скотина» образ животного используется в оригинальном тексте и во втором варианте перевода. Исходя из данных словаря, собакой в переносном значении называют грубого, злого человека. В переводе Л. Черной эта идея выражается лексемой «подлец», в переводе Р. Райт-Ковалевой применяется собирательный образ «скотина».

Вообще, как указывали многие лингвисты, в том числе Ю.Д. Апресян, своеобразии лексико-семантической группы «четвероногие и дикие домашние животные» заключается в том, что на уровне переносной семантики в словах этой

группы прежде всего бросается в глаза выравнивание родо-видовых иерархий. С точки зрения прямой, номинативной семантики более общее значение отмечается в словах «животное», «скот», «зверь», а более частное, видовое значение свойственно словам «свинья», «собака». Если эта иерархия выдерживается в прямых значениях, то по характеру переносных значений родовые слова практически не отличаются от видовых.

Обратимся к примерам из романа Белля: «wie ein heulender Hund ansah» [выглядел как воющая собака] – «он смотрел на меня глазами затравленного зверя»; «он начинал смотреть не меня с видом пса». В варианте перевода Л. Черной используется не образ конкретного животного, а собирательное понятие «зверь». В сочетании с адъективной лексемой «затравленный» это словосочетание даже точнее передает оригинальное контекстное значение. В более общем варианте перевода Райт-Ковалевой «с видом пса» это значение «воющая собака», «затравленный зверь» оказывается утраченным, так как вид у пса может быть любым: угрожающим, жалким и т. д.

В выражениях «dieser stupide Hund» [эта тупая собака] – «дурак стоеросовый»; «тупая скотина», «dieser Hund» [эта собака] – «подлец»; «скотина» в оригинальном тексте для характеристики лица используется образ собаки. Р. Райт-Ковалева в обоих случаях заменяет лексему «собака» собирательной лексемой «скотина», а Л. Черная вообще отказывается от использования зоонимов в данном текстовом фрагменте. Интересным является использование англицизма «stupid» в первом словосочетании. Во второй половине XX в., конечно, не наблюдалось такого активного использования англицизмов в европейских языках, как в современном мире. Тем не менее, подобное явление можно встретить даже в художественном тексте данного периода. Причем лексема «stupid» употребляется с немецким окончанием -е. Как известно, в английском языке не требуется согласования прилагательного с существительным в роде, числе и падеже, что является обязательным для немецкого языка.

4. В оригинальном тексте зооним не используется, в переводных вариантах (или в одном из вариантов перевода) употребляется зооним.

В примере «totmüde» [смертельно усталый] – «смертельно усталый»; «устал как собака» зооним в составе идиомы, характерной для носителей русского языка при обозначении идеи сильной усталости, используется только в переводе Р. Райт-Ковалевой.

Интересным представляется использование композитов в оригинальном тексте следующих двух примеров и варианты их перевода на русский язык. Так, лексема Hurenbock в выражении «du Vagabund – du Hurenbock» [ты, бродяга – ты, развратник] – «Бродяга! Похотливый козел!»; «бродяга, сутенер проклятый» является композитом, в котором составляющая «Hure» переводится как «проститутка», а «Bock» как «козел»; это слово интерпретируется, судя по данным немецко-русского словаря, как «развратник», «потаскун» [13, с. 462], т. е. зооним при переводе всего композита целиком отсутствует. Учитывая смысл этих составляющих в контексте, один переводчик интерпретирует данную лексему как «похотливый козел». Второй же переводчик прибегает к более вольному переводу и, вследствие этого, к изменению лексического значения переводимой единицы.

Композит «Streisstrommler» в выражении «du elender Streisstrommler» [ты, жалкий гомосексуалист] – «жалкий дурак»; «трясогузка несчастная», где компонент «Trommler» переводится как барабанщик, но в разговорной речи может означать «хвастун»; компонент «Streiss» изолированно не употребляется, имеет значение «мужчина нетрадиционной ориентации». Как можно заметить, ни вариант перевода Л. Черной, ни вариант перевода Р. Райт-Ковалевой не обладает сходным значением. Если значение второго оригинального выражения и варианта перевода Л. Черной сразу понятно в контексте, то реализация значения в контексте переводной лексемы в интерпретации Р. Райт-Ковалевой вызывает некоторые вопросы, так как у русскоговорящего читателя нет четко закрепленных ассоциаций за образом, созданным лексемой «трясогузка» применительно к человеку.

В контексте два последних приведенных выражения употребляются в потоке других ругательств. Герои в приступе ярости осыпают друг друга бранью, которая не призвана дать какую-либо объективную характеристику личностным качествам или поведению персонажей, а является лишь выражением их эмоционального состояния, поэтому, в принципе, неважно, каким именно значением обладает та или иная лексема, главное, чтобы используемые слова и выражения подходили для выражения негативных эмоций, недовольства героев друг другом.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Зооморфные метафоры применяются в романе в подавляющем большинстве для характеристики мужских образов.

2. Зооморфных метафор, дающих отрицательную характеристику мужским образам романа, в количественном отношении значительно больше, чем выражений с нейтральной или положительной характеристикой.

3. Зооморфные метафоры используются в романе в основном для иллюстрации общественно-социальной характеристики субъекта, а также, в меньшей степени, для отражения индивидуально-личностных характеристик, связанных с характером, настроением субъекта.

Обозначенные выше положения можно объяснить тем, что, даже описывая жизнь отдельной семьи, Белль всегда подразумевает особенности при этом социально-общественного порядка, государственного устройства, которые он обычно критикует. Основными действующими лицами на общественной, государственной арене являются, как известно, мужчины. Зооморфные метафоры, обладающие яркой экспрессией, как нельзя лучше подходят, исходя из концепции романа, для отрицательной характеристики мужских образов. Вообще, как известно, исследования многих лингвистов показывают, что наиболее разнообразны и многочисленны языковые средства, служащие для выражения отрицательной оценки человека.

4. При характеристике персонажей в немецком и русском языках используются как сходные, так и различные образы, создаваемые как с помощью компонентов-зоонимов, так и компонентов – не-зоонимов.

Различная степень адекватности оригинальных и переводных лексем представляется интересным, важным и показательным аспектом, на фоне которого ярче проявляется национальное своеобразие немецкого и русского языков, показатели нормы двух языковых систем, а также отступления от нормы, особенности авторских и переводческих преобразований в художественной речи и, наконец,

специфика перевода художественного произведения как акта сотворчества, создания не простой копии оригинала, а еще одного художественного произведения.

Summary

I.I. Frolova. Zoomorphic Metaphors in G. Bull's Novel "Through the Clown's Eyes" and Their Translation into Russian.

The article is devoted to the phenomenon of word semantic transformation with transfer of animal's external feature upon persons's characteristics (mainly used for characterizing the inner world of the hero) on the examples taken from literary texts. Zoomorphic metaphors characterize cultural points, give national background etc. It is an effective way of characterizing the heroes in Bull's novels. The present study is aimed at revealing original and translated zoomorphic metaphors formed by associations in German and Russian Languages. Cognitive aspect is taken into consideration as it is considered differently by the translators. This work presents a new look at translation aspect of Bull's novels.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
2. *Попова Е.А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филол. науки. – 2002. – № 3. – С. 69–77.
3. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Изд. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
4. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
5. *Грин Н.В.* Метафора как средство выражения культурно-специфических моделей // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: Материалы междунар. науч. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – С. 43–50.
6. *Völl H.* Ansichten eines Clowns. Roman. – München: Deutscher Tagesbuch Verlag, 2000. – 281 S.
7. *Белль Г.* Глазами клоуна. – М.: Прогресс, 1965. – 247 с.
8. *Белль Г.* Глазами клоуна // Избранное: сб. – М.: Радуга, 1998. – С. 421–580.
9. *Будагов Р.А.* Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Рус. речь. – 1973. – № 1. – С. 26–31.
10. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
11. *Балалыкина Э.А.* Семантические изменения в пределах заимствованной лексики в русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. – Т. 135. – С. 30–39.
12. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
13. *Немецко-русский словарь.* – М.: Рус. яз., 1992. – 1040 с.

Поступила в редакцию
29.11.07

Фролова Инга Игоревна – преподаватель кафедры немецкого языка Казанского государственного университета.

E-mail: frolin36@rambler.ru